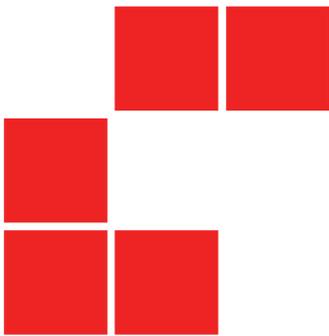

Публикации

Из арто московских школьниц 1990:
"У меня стрелка забита у пупка"
(назначено свидание у памятника Марксу).

Мать - дочери: "Мальчишку и Трамвай никогда не догонят" (- придет следующий).

Не семь горошин в одну ложку."

Публикации

Нарушение гостеприимства и кара за него

К происхождению многозначного* символа†

Р. Г. Назиров

Тематически и текстуально текст перекликается с наброском «Повелитель мышей», опубликованным в журнале «Назировский архив», 2015 № 4.

I

Восточнославянские сказки типов АТ 750 В, 751 повествуют о святости гостеприимства и о каре за нарушение этого обычая. Таков тип 750* («Скупые хозяева») по «Сравнительному указателю сюжетов», Л., «Наука», 1979: «не приглашают к ужину бедных странников, которые попросились у них ночевать; дом их проваливается, остаётся одна печь с рукавицами нищего»¹. К этому типу относится русская сказка «Убогий» (Афанасьев, 347), включающая некоторые евангельские реминисценции, что позволяет видеть в безномом старичке, карающем богача за нарушение законов гостеприимства, самого господа бога.

Ещё явственнее этот смысл выступает в типе 751 «Скупая хозяйка»: «негостеприимно принимает нищих (нищего странника, Христа) и за это наказывается: хлеб в печи каменеет; зажаренная колбаса превращается в змею. . . » — и в субтипе 751 В «Жадная хозяйка»². Наконец, прямо о визите бога говорится в сказках 751 А*: «Бог в гостях: приходит в виде нищего (калики), бедняк отдаёт ему последнее и вознаграждается; богач, полагавший, что бог придёт из церкви, не признаёт его в старичке-нищем, обходится с ним грубо, за что и наказывается»³. Истоки этого сюжета возводятся к древнеиндийской джатаксе (повести о былых воплощениях Будды): бог в виде нищего пришёл в гости к зайцу (воплощению Будды), и тот отдал богу самого себя в виде угощения. Сюжет этой джатаки отражён в одном из рельефов знаменитого храма Боробудур (Ява). Таким образом, описанный сюжет является достаточно древним; ему приписывается восточное происхождение.

Думается, тут следует избегать чрезмерной категоричности: ведь бог, путешествующий по земле инкогнито, — это мировой сюжет; законы гостеприимства были общими для всего человечества. Небольшой этнографический экскурс прояснит нашу главную мысль.

Английский этнограф Бронислав Малиновский, которого на Западе наряду с Марселем Моссом считают «основоположником» современной антропологии», опубликовал в 1922

*Зачёркнуто: «двузначного».

†АРГН, оп. 5, д. ДГ 10.

году свою лучшую работу — «Аргонавты Тихого океана», где описал функционирование обычая «кулы» на архипелагах Меланезии. Кула — это символический обмен, это «дарение ничего», которое сводится к тому, что заставляет от острова к острову, от племени к племени циркулировать нарукавные повязки и ожерелья из раковин по замкнутому маршруту. Порою этим повязкам и ожерельям случается завершить полный оборот за 10 лет (при минимальном сроке в два года), чтобы возвратиться к своему исходному пункту.

Французский этнограф Марсель Мосс извлёк из чтения «Аргонавтов Тихого океана» величайшую пользу для своего знаменитого «Опыта о дарении» (1925), в котором сопоставил «кулу» с рядом сходных обычаев и в частности с обычаем «потлач» у некоторых индейцев Северной Америки. «Потлач» (на языке племени нутка «дар») — это праздник, сопровождаемый пиром и раздачей подарков приглашённым. Мосс в этом обычае подчёркивал взаимность приглашений, напоминая о римском принципе *do ut des* («даю, чтобы дал и ты»)⁴.

В первобытном мире обмен подарками и эксцессы гостеприимства могли приводить к полному расточению имущества. Так гиперболически выражались тенденции общественного сплочения в эпоху распада рода и сложения более крупных племенных организаций раннего патриархата. И это не было лишь проявлением некоей «первобытной щедрости»: дарение — социальный институт огромной важности; экономические отношения приняли форму личных обязательств, заменивших распавшиеся или ослабевшие кровнородственные связи.

На вышеуказанной стадии развития святость гостеприимства была безусловным принципом у всех народов земли. Приписывать в этом плане одним народам преимущество перед другими — это значит путать этнопсихологию с историей культуры: на сегодняшний день «различия в щедрости» имеют не национально-психологический, а культурно-стадиальный характер. Так, если у русских гости обычно являются в дом с подарками, то у башкир, напротив, хозяева одаривают своих гостей, как при обычае «потлач».

В раннеплеменном, патриархальном обществе гостю полагалось отдавать последнее, как это и требуют указанные русские сказки. При этом неизвестные странники, какие-то нищие могут оказаться кем угодно, например, самим Христом в сопровождении апостолов. Отказ в гостеприимстве — это оскорбление самого бога: таков смысл сказочных сюжетов.

Между тем, именно в становящемся патриархальном обществе возникают социальные процессы, подрывающие святость гостеприимства. Мы имеем в виду накопление богатств, которое на очень значительный исторический срок предшествовало организованному торговому обмену.

Вообще говоря, и обмен дарами («кула»), и накопление богатств — это предпосылки настоящего обмена, развивающегося на грани энеолита и века металлов в связи с появлением межэтнического разделения труда: прежде всего с отчётливым разделением преимущественно земледельческих и скотоводческих народов. Но между этими предпосылками и зарождением меновой торговли протекли столетия, а для иных народов — и тысячелетия.

Накопление богатств отдельными патриархальными семьями поначалу происходило в форме собственного продукта — плодов земледелия или скота (скот — древнейшая форма богатства). Возникали излишки на одном полюсе общества и нужда на другом; поначалу излишки в основном расходовались на жертвоприношения богам. Так возникло само понятие «богатый» (= «угодный богу»). Владельцы огромных стад нуждались в них как в доказательстве того, что они — «лучшие», более близкие к богам, а потому и более заслуживающие избрания в совет племени и в племенные вожди.

В ранний век металлов многие народы Старого Света считали себя благословенными или проклятыми в зависимости от того, обладали они золотом или нет; при этом золото ещё не было средством обмена. Оно использовалось для изготовления украшений, культовых предметов и погребальных масок. Заметим, что такая высоко развитая цивилизация, как держава инков в доколумбовской Америке, вообще не знала денег, хотя обладала большими запасами золота и широко использовала его в декоративных, магических и других «неутилитарных» целях.

Американский этнолог Норман О. Браун в книге «Жизнь против Смерти» (1959) подверг критическому разбору фрейдовскую теорию анального невроза. Как известно, согласно З. Фрейду, фиксация индивида на анальной стадии развития ведёт к патологической скупости, к жажде накопления. Этой теории Браун противопоставил свои суждения о «психологической природе» денег: по его мнению сущность денег — в любой их форме, от примитивных раковин до чековой книжки, — не может быть определена рациональными категориями. Деньги сначала были объектом без использования, символом производственных излишков, которые годились только в жертву богам. В человеке «комплекс денег» сложился лишь тогда, когда он научился отличать «необходимое» от «излишнего». Далее необходимость разделения труда принудила людей к специализации, что повело к разрушению человеческой целостности, к появлению неврозов, и один из них — это «демонизация товарной сверхпродукции». Карл Маркс, как известно, называл это «товарным фетишизмом». Браун этого термина не употребляет. Он говорит: «Вместо того, чтобы, как это было в архаических обществах, отдавать эти излишки богу, мы начали обожествлять сам процесс производства, трактовать его как бога». Измена богу в пользу маммоны породила чувство вины; деньги — это «материальная форма неврозов» — и т. д.⁵

Книга Брауна вызвала полемику, в которой одним из главных упрёков было то, что он не дал никакого историко-культурного обоснования своему главному тезису: когда произошла замена «архаичной» культуры дарения «современной» культурой стяжания. Всё же, несмотря на справедливость этой критики, а также несмотря на метафорический туман в книге «Жизнь против смерти», нам кажется, что эта книга содержит и ценные соображения. Для нас особенно существенно указание Брауна на религиозно-психологический аспект древних социально-экономических переворотов.

Действительно, в племенном строе раннего патриархата излишек продукции предназначался в дар богам (жертвоприношение) или гостям (гостеприимство). Не случайно нами

уже было отмечено выше, что в восточнославянских и иных сказках бог и гость сюжетно синонимичны, взаимно заместительны. Отдать гостю последнее — это такой же «подвиг», как и жертвоприношение богу. В свете родоплеменной морали накопление есть отвлечение излишков от религиозно-нравственной цели или изъятие их из вечной циркуляции даров, из процесса взаимодарения, служащего формой солидарности. Обмен дарами и сегодня, во всём мире, и у нас служит выражением дружбы. Изъятие богатств из цепи дружеских обязательств мыслилось как поступок антисоциальный, как деяние, враждебное обществу.

Богатые составляли небольшое меньшинство племени. Основная масса смотрела на них со смешанным чувством почтения к «удаче» и осуждения за нарушение моральных традиций. Короче говоря, между этими «пионерами прогресса», т. е. племенной знатью, и основной массой рано возникли конфликтные отношения, выразившиеся, в частности, в явственно звучащей сказочной морали: накопление — это грех.

Религия всегда стояла на страже традиции, а отмеченные выше типы АТ 750, 751 относятся к легендарным сказкам, т. е. генетически связаны с религиозными представлениями: думается, гораздо более древними, чем само христианство. Поэтому кара за отказ в гостеприимстве имеет вполне «материальный» характер: провалившийся дом, окаменевший хлеб и т. п. Но в более давних фиксациях она может быть и гораздо суровее.

II

Первый польский хронист Аноним Галл, писавший по-латыни, пересказал древнюю польскую легенду о воцарении первой исторической династии польских князей — Пястов. Таинственные странники, не найдя приюта у гнезненского князя Попеля, праздновавшего «пострижины» своего сына, встретили радушное гостеприимство у крестьянина Пяста и его жены Репихи и в благодарность предсказали ему, что его сын станет королём. Через некоторое время злой Попель, живший в башне на берегу озера, был съеден мышами, а княжить в Гнезне стал Земовит, сын Пяста. Подробности легенды в основном заимствованы из фольклора и житийной литературы («Vita St. Germani», середина IX века; «Legenda augea» Якова Ворагинуса).

Сюжет этой легенды в своей главной теме сходен с вышеупомянутыми сказками: кара за отказ в гостеприимстве. Но конкретная форма божественного возмездия — иная. Съедение мышами в русских сказках не встречается. Мышь как орудие божьей кары известна в средневековых сказаниях Западной Европы.

Широкое распространение получило немецкое сказание об епископе Гаттоне (die Sage vom Bischof Hatto von Mainz und seinem Ende). Согласно легенде, богатому епископу в голодный год сильно докучали бедняки; собрав их несмертное множество в большой амбар, якобы для того, чтобы накормить, епископ запер их и сжёг заживо. В наказание бог наслал на Гаттона такую массу мышей, что епископ не смог от них укрыться даже в специально построенном замке на скале среди Рейна и был съеден мышами. Чуть ли не 700 лет на Рейне

близ Бингена показывали «Мышиный замок» епископа Гаттона; он был разрушен шведами во время Тринадцатилетней войны (1635).

Исторический Гаттон был настоятелем знаменитого Фульдского монастыря, с 968 г. — архиепископом Майнца; умер в 970 г. Судя по сохранившимся данным, он не имеет ничего общего с приведённой легендой, и его имя в ней — относительно поздняя вставка.

Легенда о Попеле имеет более фольклорный характер и, возможно, восходит к общеславянской мифологической сказке большой древности⁶.

Почему мышь выступает в этих легендах орудием божьей кары? Полагаем, что такое представление первоначально возникло в земледельческих странах Ближнего Востока, скорее всего — в Египте. Колоссальное изобилие мышей наносило страшный урон житницам Нильской долины. Не случайно древние египтяне так почитали кошку, священное животное бога Гора; за убийство кошки, даже нечаянное, законы Египта предписывали смертную казнь. Сохранились великолепные статуэтки кошек; археологами был найден кошачий некрополь в Фаюмском оазисе с тысячами их маленьких мумий; у иных вызолочены усы. Кошка была любимейшим животным египтян, поскольку истребляла самых страшных врагов египетского народа — мышей.

В Библии мыши описаны как разносчики страшных эпидемий, прежде всего — бубонной чумы (I Царств). На самом деле чуму разносят крысы, суслики и блохи; собственно мыши переносят лишь некоторые желудочные болезни. Но древние не различали мышей и крыс. По Библии, бог через мышей поразил филистимлян чумой.

Гомер в «Илиаде» повествует, как Агамемнон взял в плен красивую девушку, дочь жреца Аполлона. Несмотря на мольбы жреца, девушка не была освобождена Агамемноном. В наказание за такое оскорбление своего жреца Аполлон ниспослал чуму на греческий лагерь:

Частые трупов костры непрестанно пылали по стану.

(«Илиада», I песнь, 52).

Моровое поветрие, вызванное «стрелами Аполлона», напугало Агамемнона, и он вернул пленницу её отцу — Хризу.

Только в обращении Хриза, просящего у бога наслать чуму на ахейян, Аполлон назван Сминтеем, т. е. «мышиным богом». Впоследствии по всей Троаде встречались святилища Аполлона Сминтея, служившие убежищем для больных; такой храм-госпиталь назывался «сминтий». И в самой Элладе в храмах Аполлона содержали и кормили мышей; в одних областях этого бога считали покровителем мышей, в других — охранителем от мышей. Существовало предание, как Аполлон избавил Грецию от нашествия мышей.

Итак, для египтян мышь — враг земледелия, для семитических народов (которые в основном были скотоводами) мышь — символ чумы, у греков — явно выраженный символ божьей кары.

Заметим, что съедение Попеля мышами — это кара за отказ в гостеприимстве, съедение ими Гаттона — кара за жестокость к голодным. В сказках типа 751 («Скупая хозяйка») на-

казание за отказ в гостеприимстве поражает пищу, хлеб. Полагаем, что изначальной формой кары за нарушение законов гостеприимства было съедение мышами хлеба скупых хозяев. Естественно, это обрекало землевладельцев на голодную смерть, т. е. мыши косвенно становились причиной смерти людей. По прошествии веков в результате смыслового стяжения они превратились в прямых человекоубийц.

Впрочем, если учесть древнее смешение мышей и крыс, то нет нужды размышлять о смысловом стяжении: крупные популяции крыс, испытывая недостаток в пище, нападают на людей (в наши дни, с начала 80-х годов, крысы в Египте истребляли посевы, разрушали дома, нападали на феллахов). На Севере странную известную опасность для людей составляют далёкие и массовые миграции леммингов (кстати, тоже переносчиков заразных болезней). Словом, человечеству присущ древний страх перед грызунами, особенно синантропными (живущими рядом с человеком), и страх этот во многом обоснован. Например, крыс на земле считается, столько же, сколько людей, причём первые быстрее и лучше адаптируются к повышенной радиации; серая крыса (пасюк) прекрасно плавает, и их сообщества сильны и устойчивы.

Итак, мы допускаем, что в древности (по крайней мере начиная с Египта) уничтожение хлеба мышами рассматривалось как наказание богов за нарушение гостеприимства, за отказ в этом хлебе гостю или страннику. В то же время, как было показано выше, накопление богатств приравнивалось к выходу из циркуляции взаимных дарений, рассматривалось как грех. Таким образом, напрашивается обобщение: мыши служат бедствием, насылаемым богами на богатство. С этой точки зрения можно по-новому оценить известную русскую сказку «курочка-ряба», представляющую собой отдалённый реликт более развёрнутого древнего текста. Сейчас трудно судить о том, было ли снесённое курочкой-рябой золотое яйцо олицетворением солнца, как полагают некоторые учёные. Известная назойливость солярной теории XIX века с её бесчисленными натяжками привила нам законную настороженность против подобных толкований.

С другой стороны, почему мы не в праве осмыслять золотое яичко курочки-рябы как неожиданную удачу, как ниспосланное деду и бабе богатство? В архаическом сознании богатство обычно мыслилось как результат удачи, случая, счастливой находки (психологическое наследие всемирной эры собирательства). Богатство было даром богов, и потому им гордилось.

Однако в то же время мораль первобытного племени осуждала накопление богатства. Излишнее богатство вообще опасно, оно может вызвать гнев богов (см. сказку Геродота о Поликрате Самосском). И вообще богатство чревато заботой, страхом потери, разочарованием. Отношение к богатству в архаике амбивалентно.

Поскольку главное богатство архаического земледельца — это хлеб, то главный враг богатства — это мышь. И хотя в нашей сказке фигурирует не хлеб, а золотое яйцо, мышь всё равно выполняет ту же функцию: «мышка бежала, хвостиком махнула, яичко упало

и разбилось». Золотое яйцо уничтожено, дед и баба плачут, но курочка-ряба утешает их парадоксальным обещанием: «Я снесу вам другое яичко — не золотое, а простое».

В этом и заключается всё обаяние реликтовой сказки: она отдаёт предпочтение простому, надёжному достатку перед неожиданной удачей, излишком, богатством. И в русской сказке мышь тоже выступает противницей богатства, но — странное дело! — она не вызывает отрицательных эмоций, не является враждебной людям.

В русском фольклоре скорее преобладает позитивное отношение к мыши, от детской сказки «Репка» до знаменитого лубка «Как мыши кота хоронили», в котором видели замаскированную сатиру на погребение Петра I.

Ещё в древнем фольклоре зародились этиологические (причиннообъяснительные) рассказы о вражде мышей и кошек. Индийские сказки повествуют о том, как мыши судили кота, западноевропейские и русские — о войне мышей с котами; к сказкам этого рода близка и древнегреческая «Война мышей и лягушек», пародирующая «Илиаду». В прошлом веке украинский фольклорист Н. Ф. Сумцов написал специальную работу «Мышь в народной словесности» («Этнографическое обозрение», 1891, кн. VIII).

Фольклористике известна и помощная мышь (Геродот, «История», II, § 141; китайские летописи, монгольские сказки, русские былины), и благодарная мышь (Панчатантра, басни Эзопа и др.), но всё это далеко от нашей темы и в основном связано с ролью мыши в тотемических верованиях: мышь как тотем встречалась у разных народов.